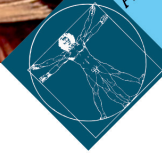

Религиоведение. 2023. № 2. С. 111–122.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2023. No. 2. P. 111–122.

Антропология / Anthropology
религии / of Religion

DOI: 10.22250/20728662_2023_2_111

Забияко А.А.¹, Е Янян²

^{1,2} Амурский государственный университет

^{1,2} 675027, Россия, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21

¹ sciencia@yandex.ru; ² yanyan.ye@mail.ru

Именования женьшеня народами Северо-Востока Китая: морфология фитолатрии

Аннотация. С древности люди наделяют женьшень чудодейственными свойствами. В сознании жителей дальневосточного фронта женьшень является растительным воплощением Духа Леса и Гор. Фитолатрия как неотъемлемая часть религиозного сознания жителей Северо-Востока Китая связана с тотемизмом, анимизмом и антропоморфизмом – в фольклорных сказаниях чудо-корешок обретает зооморфный, орнитоморфный, тероморфный, энтоморфный, антропоморфный облики. Встреча с эманациями женьшеня чревата для человека испытанием его праведности и знания Закона тайги. В данной публикации морфология мифологической сюжетки, сопровождающей женьшень, исследуется на основе лексико-семантического анализа именовании растения, проецируется на фольклорные нарративы, собранные в первой половине XX русскими и китайскими исследователями на территории дальневосточного фронта. Авторы делают вывод о том, что, невзирая на разницу идеологических посылов изучаемых фольклорных собраний (русская дореволюционная публицистика, китайские хроники, издания Маньчжу-диго, сборники 1960-х гг.), мифология женьшеня, его священных атрибутов, разнообразных воплощений демонстрирует свою универсальную архетипическую устойчивость, отражая региональную специфику синкретической религиозности населения дальневосточного фронта.

Ключевые слова: женьшень, дальневосточный фронт, китайский фольклор, священное, фитолатрия, анимизм, антропоморфизм, мифема

А.А. Забияко

Е Янян

Anna A. Zabiako¹, Ye Yangyang²

^{1,2} Amur State University

^{1,2} 21 Ignatievskoe shosse, Blagoveschensk, 675027, Russia

¹ sciencia@yandex.ru; ² yanyan.ye@mail.ru

Naming Ginseng by the Peoples of the Northeast of China: Morphology of Phytolatry

Abstract. Since ancient times, people have endowed ginseng with miraculous properties. Among the inhabitants of the Far Eastern frontier, ginseng is a plant embodiment of the Spirit of the Forest and Mountains. Phytolatry, as an integral part of perception of the consciousness of the inhabitants of the northeast of China, meets with totemism, animism and anthropomorphism – in folklore indications, the miracle root acquires a zoomorphic, ornithomorphic, theromorphic, entomomorphic, anthropomorphic appearance. Meeting with the emanations of ginseng threatens a person with testing for righteousness and knowledge of the Taiga law. In this publication, the morphology of the mythological plot that accompanies ginseng is concluded on the basis of lexical-semantic analysis of plant names, projected onto folklore narratives collected in the first half of the 20th century by Russian and Chinese researchers on the territory of the Far Eastern frontier. The authors conclude that despite the individual constitutional promises of the studied folklore collections (pre-revolutionary journalism, Chinese chronicles, Manchukuo publications, collections of the 1960s), the mythology of ginseng, its sacred attributes and various incarnations demonstrates its universal archetypal stability, reflecting the regional specifics of the syncretic religiosity of the population of the Far Eastern frontier.

Key words: ginseng, Far Eastern frontier, Chinese, folklore, sacred, phytolatry, animism, anthropomorphism, mytheme

Введение

Женьшень относится к семейству аралиевых, растёт в северной Корее и на Северо-Востоке Китая, а также в районе реки Уссури. С древнейших времён растение получило признание в китайской народной медицине. В «Травнике Шэнь-нуна» («*神农本草经*») династии Восточная Хань, известном уже более 2000 лет, читаем: *«Женьшень сладкий, питает пять внутренних органов, успокаивает дух, успокаивает душу, улучшает зрение и улучшает интеллект. Гарантирует долгую работоспособность, продлевает жизнь»* [Гу, 2007, 21]. Сюй Шэнь (100 г. н. э., династия Восточная Хань) в «Происхождении китайских иероглифов» («*说文解字*») – первом китайском словаре, лёгшем в основу китайского классического языкознания, также упоминает «шень, женьшень, лекарственные травы из Шаньдана» («*葠, 人葠, 药草, 出上党*») [Сюй, 2018, 17].

В Россию знание о женьшене приходит в эпоху географических открытий [Маак, 1861; Максимов, 1864]. На рубеже XIX–XX вв. появляются и первые публикации, обращённые к фольклорному образу женьшеня [Бадмаев, 1903; Врядий, 1903, 2–3] – однако до поры до времени они не имели широкого хождения.

В начале XX в. Уссурийскую тайгу наводняют китайцы-промысловики, среди которых женьшеньщики – одна из самых распространённых таёжных профессий. В эти годы представление о женьшене как о панацее захватывает культурное сознание приморской интеллигенции [Арсеньева, 2006, 295]. В 1907 г. представление о женьшене уже зафиксировано солидными русскими словарями [Брокгауз, 1907].

Наиболее известным источником начала XX в., касающимся натуралистических характеристик растения, его целебных свойств, особенностей произрастания, выращивания, правил сбора, а также образов самих собирателей, до сего дня считается работа В.К. Арсеньева «Китайцы в Уссурийском крае» (1914) [Арсеньев, 2007, 435–444]. В меньшей степени – по причине эмиграции – известны работы Н.А. Байкова («В горах и лесах Маньчжурии», 1914; «Женьшень», 1926) [Байков, 1914; Байков, 1926]. Выполняя поручения Русского географического общества, практически в одно и то же время русские офицеры-исследователи – один в Приморском крае, другой в Северной Маньчжурии – обращаются к данной теме на территории дальневосточного фронта сквозь призму географических и натуралистических изысканий [Забяко, Е, 2022, 61–72].

Этнографический посыл русских учёных напрямую связал фармакологические свойства женьшеня с религиозными представлениями таёжных жителей и шире – дальневосточников [Забяко, 2016, 13]. Специфические особенности произрастания женьшеня, трудности его добывания и необыкновенная популярность в качестве панацеи в народной среде способствовали складыванию вокруг этого растения разветвлённой системы религиозной ритуальности: *«Чем больше лишений, чем больше опасностей, чем угрюмее и неприступнее горы, чем глуше тайга и чем больше следов тигров, тем с большим рвением идёт китаец-искатель! Он убеждён, он верит, что все эти страхи только для того, чтобы напугать человека и отогнать его от того места, где растёт дорогой пан-цуй»*.

Тут где-нибудь в ущелье, в тени, куда он заглядывает солнце, растёт этот удивительный корень жизни, возвращающий истомленному старческому телу бодрость и исцеляющий все недуги» [Арсеньев, 2007, 440].

Ритуальный комплекс, сопровождающий правила добывания и сохранения женьшеня, отражает мифологические представления о женьшене как дендроморфном воплощении Духа леса и гор (наряду с тигром, священными деревьями и источниками, драконами, чудесными птицами) [Забяко, Е, 2023, 93–106]. Мифология женьшеня – часть разветвлённой сюжетики фронтальной таёжной мифологии, вращающейся вокруг категории *священное*. Фитолатрия как неотъемлемая часть религиозного сознания жителей Северо-Востока Китая связана с тотемизмом, анимизмом, антропоморфизмом и находит многообразное воплощение в фольклорных сказаниях.

Разнообразные сюжеты заключены уже в множественных именовании чудесного растения, представляя в сгущённой форме морфологию (В.Я. Пропп) мифологических представлений о Корне жизни.

Материалом исследования послужили этимологические и толковые словари китайского языка [Сюй, 2018; Словарь Синьхуа, 1954; Чжу, 1914]; древние трактаты по китайской медицине [Гу, 2017; Ли, 2004], фольклорные тексты, собранные русскими этнографами [Врадий, 1903; Арсеньев, 2007; Байков, 1914; Байков, 1926; Байков, 2004], китайские фольклорные материалы, опубликованные в Северной Маньчжурии в 1908 г. в «Летописи рек и гор на горе Чанбайшань», в изданиях «Новая Маньчжурия» (1942), «Цилинь» (1943), а также в сборнике «Фусунские сказки» [Фусунские сказки, 1962].

Степень изученности проблемы

Проекции категории священного на свойства женьшеня осуществляются с опорой на работы А.П. Забияко [Забияко, 2006]. Сквозь призму научных положений, выдвинутых этим учёным, исследуются реалии дальневосточного порубежья и религиозного сознания его жителей [Забияко, 2017].

Исследование образа женьшеня в русской художественной этнографии (В.К. Арсеньев, Н.А. Байков, М.В. Щербаков и др.) опирается на работы А.А. Забияко [Забияко, 2014; Забияко, 2016]. Сунь Вэньцай осуществил систематизацию основных названий женьшеня в китайском языке [Сунь, 1995], Сунь Вэньцай, Ван Яньцзюань, Чжан Вэньхун [Сунь, Ван, 1994; Чжан, 2013] исследовали религиозную основу китайской культуры женьшеня.

Новизна исследования и постановка гипотезы

Впервые в российской науке осуществляется лексико-семантический анализ названий женьшеня, содержащих краткое определение не только фармакологических свойств, но его мифологии. Китайская народная мифология, сопровождающая образ женьшеня и эксплицируемая из многочисленных перифрастических наименований растения, проецируется на фольклорные сюжеты о женьшене.

На основе анализа труднодоступных русских и китайских архивных материалов (собраний русских этнографов, художественно-этнографических произведений, китайских публикаций периода Маньчжу-диго, послевоенных китайских фольклорных сборников о женьшене) определяются основные персонажи женьшеневой мифологии, присущие народной религиозности населения дальневосточного фронта.

Методы и методология

Работа выполнена на основе историко-генетического, историко-культурного, мифологических реконструкций методов, структурно-семантического и имманентного анализа художественного текста.

Обсуждение результатов исследования

Один из воплощённых образов *священного пространства* тайги – женьшень – имеет разнообразные названия на языках многих этносов – носителей фронтального религиозного сознания, населяющих территории Дальнего Востока и Северо-Востока Китая. Свои фитонимы есть у дауров, эвенков, нанайцев, маньчжуров. В «Хрониках округа Мэнцзян» («濛江县志略») зафиксировано: «Женьшень называется “Эрхедо” (额尔赫多) у маньчжуров» [Сунь, 1995, 23]. «Эрхедо» («额尔赫多»); «Ауэрхуда» («窝尔霍达» (orhoda) – *трава-вождь, князь-трава* (Фу Юйгуан, маньчжурский ученый) [Сунь, 1995, 23].

Так как культура добывания, обработки, употребления женьшеня пришла из внутреннего Китая, наиболее развитой системой смыслов и образов обладает ономастика чудо-корня на китайском языке. Известно около 70 китайских названий корня и его разновидностей. В зависимости от места произрастания, размера, количества листьев и времени сбора, функциональной направленности, а также в соответствии с региональной спецификой растение будет отличаться и по цене, и по популярности [Сунь, 1995, 22–23]. Нас в первую очередь интересуют имена, присущие богатой и разветвлённой мифологии женьшеня – то есть фитонимы-мифемы.

Как известно, «трудность китайского языка совсем не в иероглифическом оформлении, а именно в ли хэнь шэнь – “глубине китайской мысли”, в литературном намёке и в последовательности логической, засложнённой до неузнаваемости образности» [Алексеев, 2003, 147]. Фраза обращена, в первую очередь, к криптограмматичности китайской поэзии, но – будем исходить из потебнианской теории

внутренней формы слова и рассматривать её как посыл к расшифровке перифрастических именовании женьшеня. Ведь «дополнительный смысл способны создавать как сами иероглифы, так и те элементы, из которых они состоят, поэтому часто бывает необходимо ещё глубже структурировать текст, обращая внимание и на согласование иероглифов, и на согласование, параллелизм их ключей, создающий то братские, то враждебные пары» [Городецкая, 2002, 5–24].

В медицине наиболее распространённым и узаконенным названием является 人參, (упр. 人參, пиньинь *rénshēn*, палл. *жэньшэнь*). На русский это слово переводится как «корень жизни» [Этимологический словарь, 1973, 285; Шапошников, 2010, 268], хотя буквально означает «человек-растение (трава)». Учёные находят несколько коннотативных значений, связывающих это название с семей «растение» (參, трава): «Женьшень растёт много лет, и когда он вырастает, его корни похожи на человека и он выглядит как живой, поэтому его называют “Жень Шень” (“人蔘”) и “волшебная трава” – “Шэнь Цао” (“神草”) (другое название – “Жэнь Вэй” (“人微”), “вэй” (“微”) происходит от иероглифа “漫”) [Ли, 2004, 563]. Существует пять видов шеней: белый шень «Ша-шень» («沙參»), буквально – «песчаный женьшень» (沙 – *мелкие каменные зерна*) [Современный китайский словарь, 2016, 926; 1131], «Жень-шень» («人參»), чёрный шень «Сюань-шень» («玄參»), красный шень «Дань-шень» («丹參») и горький шень «Ку-шень» («苦參»). Их форма не совсем одинаковая, но основные функции мало различаются, поэтому во всех используется сема «шень». Однако фиолетовый женьшень именуется «Му Мэн» («牡蒙») [Ли, 2004, 573]; буквально – «Му (牡) – мужской (относится к птицам и зверям); Мэн (蒙) – обман (欺骗), забытье (昏迷)» [Современный китайский словарь, 2016, 926; 893]. Пять видов шеня имеют пять цветов и используются для лечения различных внутренних органов [Ли, 2004, 615].

Существует классификация женьшеня по количеству листьев. Стебли и листья женьшеня называют от малого к большому: Саньхуа (三花), Уе (五叶), Эрцзяцзы (二角子, букв. «два угла»), Дентай (Саньпие) (灯台 (三匹叶)), Сыпие (四匹叶), Упие (五匹叶), Люпие (六匹叶). При нормальных обстоятельствах женьшень с шестью листьями является самым крупным, но встречаются экземпляры с семью, восемью или даже девятью листьями [Ван, 2016, 61]. Стремление найти женьшень с наибольшим количеством листьев также обросло фольклорными легендами: в сказке «Дракон кусает женьшень» один женьшеньщик находит корень с шестью листьями, спасает и корень, и змею, его охраняющую, получая взамен долголетие, богатство и прекрасное здоровье [Фусунские сказки, 1962, 39–41]. Правда, В.К. Арсеньев подчёркивал, что, несмотря на «листовую мифологию», он не встречал человека, нашедшего семипалый или восьмипалый женьшень [Арсеньев, 2007, 436].

Многие письменные названия, возникшие в древности, изменялись вместе с иероглификой, смысл названий также стирался. К примеру, название «Жень Сянь» («人衍» – буквально «человек-статус», «человек-достоинство»), встречающееся в «Травнике Шен-нуна», интерпретируется китайскими учёными как выражение многообразия видов растения в зависимости от его сорта, размера, цвета, возраста и т.д. [Сунь, 1995, 22], что, в свою очередь, определяет его стоимость. Однако мы можем реконструировать семантику «人衍» из того, что обладание дорогим человекоподобным растением определяет и *статус (достоинство)* самого владельца, чему находим подтверждение в дальнейших синонимических названиях женьшеня и сопровождающих их легендах.

Способность женьшеня прятаться от посторонних глаз, запутывать ищущих его, иногда приводя к смерти, мотивировала появление метафорического именовании «Гуй Гай» («鬼盖», букв. «скрывающийся призрак (черт)»). Правда, утилитарное китайское сознание даёт весьма прозаическое объяснение столь образному названию: «Растение обращено в сторону от солнца и обращено в тень, поэтому его <так> называют» [Ли, 2004, 563]. При этом следующие именовании напрямую связывают женьшень с «духами, которые вышли из земли» и указывает на его хтоническую природу: «Ту Цзин» («土精», букв. «земная сущность») и «Ди Цзин» («地精», «дух земли», «подземный демон»). С этими номинациями связана фольклорная легенда «Гуан У Син Цзи» (广五行记) – «Собрание пяти элементов», которая гласит,

что «во время правления императора Вэнь династии Суй приближенные к монарху люди стали вдруг слышать чьи-то настойчивые крики о помощи. Найдя место, откуда исходили крики, люди увидели ненормального размера и вида растение женьшеня, стали в этом месте копать. Выкопав пять футов земли, они нашли корень размером с человеческое тело и такого же вида. Этот корень и был источником крика. Тело выкопали, голос его угас. Эта история подтверждает название женьшеня “Ту Цзин” (“土精”)) [Ли, 2004, 563].

В «Ли Доу Вэй И» (礼·斗威仪), старинной записи из «Компендиума лекарственных трав», подчёркивается космогоническая связь растения с энергией ци: «внизу – женьшень, а сверху – фиолетовая ци» (ци – жизненная сила в виде газа)». В другой записи космогония женьшеня связана с небесным происхождением императорской власти и праведностью правителя: «Звезды Яо Гуан (摇光星) рассыпаются по земле и становятся женьшенем. Если поведение монарха не должное, звезды Яо Гуан не падают, женьшень не растёт, отсюда его и зовут “Шэнь Цао” (神草, волшебная трава)» [Ли, 2004, 563].

В «Цюнь Фан Пу» («群芳谱» «Собрание разнотравий», эпоха Мин), китайский исследователь Сунь Вэньцай обнаруживает загадочное определение женьшеня – «Хай Юй» (海腴, совр. букв. «морская птица»), добавляя, что смысл названия ему не ясен. Маринистические атрибуты в фитониме не выглядят непонятными, если мы вспомним о метафорическом обозначении тайги – священного пространства фронта среди её обитателей – «Шу-хай» (树海), «море деревьев» (Н.А. Байков «Шу-Хай», 1942 г.). Возможно, китайский учёный – человек урбанистической культуры – не смог понять смысл данной метафоры. Ко времени собирания материала он не имел возможности погрузиться в полевое исследование и оказаться в гуще таёжной жизни. Да и сами реалии жизни Северо-Востока к концу XX в. серьезно изменились. Подтверждение связи с «морем» – в данном случае – с «морем деревьев», Шу-хаем, находим в региональных северо-восточных хрониках («Фэнтянь Тунчжи» 奉天通志¹)), где указано, что на профессиональном сленге собирателей-таёжников женьшень именуется «морской товар» – «Хай Хо» (海货) [Сунь, 1995, 23].

Лексико-семантический анализ иероглифической структуры слова 海腴 позволяет предположить, что это название означает «приносящий бесконечное 海 богатство/плодородие/бессмертие 腴». С другой стороны, это слово может быть обозначением орнитоморфной эманации женьшеня – загадочной птицы, о которой упоминается во многих легендах, собранных, к примеру, Н. Байковым и Арсеньевым – об этом ниже [Байков, 2004, 218; Арсеньев, 2007, 437].

Возможно, из северо-восточных диалектов и пришёл в русский язык не прямой перевод названия женьшеня – «Корень жизни», так как только там расхожим среди жителей являлось именование «Гэнь Цзы» 根子 (ребенок-корень) («Лю Бянь Цзилуэ» 柳边纪略) «Запись за Ивовым палисадом» [Сунь, 1995, 23].

Связь чудодейственных свойств женьшеня с даосской концепцией бессмертия обнаруживается в названиях, указанных в трактате «Фармакология» «药谱»: «Женьшень также известен как Чжоу Мянью Хуань Дань (皱面还丹) («эликсир возвращения с морщинистой поверхностью»)). «Хуань Дань» (还丹 эликсир возвращения) – другое имя «Цзинь Дань» (金丹 – золотой эликсир. «Хуань» («还»)) – буквально «возвращение», «возрождение, бессмертие». Согласно классическому даосскому трактату «Бао Пу Цзы – часть Цзинь Дана» «抱朴子·金丹篇», «Хуань Дан имеет функцию возвращения, которая может сделать старое сильным, воскресить мёртвых, а увядшее немедленно сделать пышным. Женьшень обладает силой бессмертия и омоложения, которая схожа с действием Хуань Дана, поэтому даосы называют женьшень “Чжоу Мянью Хуань Дань”. Именование “морщинистое лицо”, очевидно, относится к сухой коже корня женьшеня» [Сунь, 1995, 22] – а также к даосскому архетипу Мудрого старца.

Мифема о даосском даре женьшеня связана с мифом о культурном герое – Лао-цзы – и медицинскими практиками даосизма: «Раньше женьшень жил в Китае, и никто не знал о его существовании. Но вот великий пророк Лао-цзы открыл его целебную силу и указал людям его приметы» [Арсеньев, 2007, 438].

Связь женьшеня с даосскими практиками достижения долголетия прослеживается в северо-восточных фольклорных источниках. В «Народной сказке о женьшене» читаем о двух монахах – старом и молодом, которым явился женьшень в виде мальчика в набрюшнике (традиционный образ народных картин нянь-хуа). Молодой неискушённый монах терпеливо сносил побои старшего монаха и простодушно дружил с мальчиком-женьшенем. А чудо-ребёнок прикасался к нему и залечивал его раны. Когда же старый монах уяснил, что это за чудесный ребёнок, и решил сварить женьшень – молодой монах А Лиан снова бесхитростно съел всю мякоть. В результате А Лиан обрёл бессмертие, стал божеством и вознёсся на небеса вместе с хижинкой [Е, 1943, 137].

Примечательны ещё два уже региональных именованя женьшеня, наиболее употребительные на Северо-Востоке среди самих женьшеньщиков. На первое указал один из самых ранних исследователей, В.П. Вradий – «И Шень» [Вradий, 1903, 2]. И по сей день люди, родившиеся и выросшие в местах, близких маньчжурской тайге, привыкли именно к такому словоупотреблению, что означает «единственное (уникальное) растение (корень)», «первоклассное растение (корень)». С этой данностью связана одна из расхожих легенд, рассказывающая о полиморфизме женьшеня: *«Женьшень – это корень, который есть только один на всей Земле. Он обладает удивительной способностью превращаться в человека, и в тигра, и в птицу, и во всякое другое животное. Поэтому его никогда никто не может найти. Если человек увидел в лесу какого-нибудь зверя, какое-нибудь растение или даже неодушевлённый предмет, например, камень, и сильно его испугался, и, если этот предмет тотчас же пропал из глаз – это был женьшень. Тогда надо молиться, запомнить это место и в будущем году прийти сюда за корнем»* [Арсеньев, 2007, 437].

Мифология женьшеня, связанная с его человеческим обликом и приписываемыми ему человеческими качествами, напрямую отразилась в названии «пан-цуй» (棒槌) [Вradий, 1903, 2–3; Байков, 1914; Арсеньев, 2007, 440–441]. В настоящее время фитоним «пан-цуй» (棒槌) переводится как «деревянная скалка» (в основном используемая для стирки одежды) [Современный словарь, 2016, 40]. Однако буквальное толкование «棒槌» означает «молодец-палка», «молодец-скалка». Очевидно, в таком народном словоупотреблении отразилась не только внешняя форма женьшеня (его веретенообразный вид, напоминающий скалку), но и внешнее сходство с органом, отвечающим за продолжение рода. Название является эвфемистической метонимией, обозначающей способность женьшеня влиять на мужскую потенцию и плодовитость: *«Чтобы спастись от преследования людей, женьшень наплодил множество корней себе подобных – “пан-цуй”, как говорят китайцы. Вот почему такой “пан-цуй”, чем ближе он будет к истинному женьшеню, тем больше он похож на человека, тем больше он размерами, сильнее в нём сила и тем дороже он ценится»* [Арсеньев, 2007, 438].

Название 棒槌 стало именем птицы пан-цуй – орнитоморфа Духа Гор и Леса и апеллятива женьшеня: *«Когда ты услышишь пение птицы пан-цуй, ты обязательно получишь пан-цуй»* (听见棒槌鸟叫, 棒槌准拿到). *Есть ещё одна: «Когда ты услышишь пение ган-шан-ван, ты обязательно получишь пан-цуй»* (听到赶山王叫, 棒槌准拿到). *Если женьшеньщики следуют зову птицы пан-цуй (птицы-женьшеня), они обязательно его найдут. Это явление не легенда, оно очень эффективно и в наше время»* [Ван, 2016, 64]. Расхожим персонажем народных сказок о женьшене становится Девушка Пан-цуй – женская эманация женьшеня: *«На горе Чанбай находится Лунвань, в хорошую погоду там можно увидеть красивую девушку, отражающуюся в воде, в красной фуфайке и зелёных брюках, с большим красным цветком в ухе. Все говорят, что это Девушка Пан-цуй, а рядом с девушкой – золотистокрасная бусина»* («Девушка в Лунване») [Фусунские сказки, 1962, 118–122]. Появление девушки сулит находку женьшениевых плантаций, Девушка Пан-цуй может вылечить раны, возродить умирающего (илл. 1).

В фольклоре Северо-Востока регионально закреплённый образ Девушки Пан-цуй в характерной северо-восточной одежде контаминировался с образом Гуаньнинь, Женщины в белом, даосской эманацией женьшениевой благодати, помогающей праведным женьшеньщикам: *«В какой-то момент перед ним внезапно появи-*

лась молодая и красивая Женщина в Белом с мальчиком лет четырёх или пяти <...> Затем он увидел, что Женщина в Белом держит за руку ребенка и протыкает его большой иглой. Через некоторое время вышло много белой мякоти, и женщина быстро положила её в рот Хань Бяньвая!» («Тайная история Хань Бяньвая – основателя золотого рудника Шисаньдаоган») [Ни, 1942, 77] В свою очередь, образ Женщины в белом тесно связан с образом Белой змеи. Когда герой выше цитируемой легенды Хань Бяньвай нашёл женьшень, рядом он тотчас увидел Белую змею, охраняющую женьшень [Ни, 1942, 75]. Змеи – хранители женьшеня в северо-восточных легендах о женьшене, они же – тероморфные апеллятивы женьшеня («Дядя и племянник») [Фусунские сказки, 1962, 53–57]. Есть множество поговорок про людей, копающих женьшень, как они будут счастливы, если столкнутся со змеями. Эту змею женьшеньщики называют Цяньсхуаньцзы («верёвка, которая нанизывает медные монеты» – 穿铜钱的绳子 [Современный словарь, 2016, 1043], 钱串子) [Юй, 2019, 32]. Нельзя ранить змею – она гений-охранитель сокровища (женьшеня) Лао Бато (Духа Леса и Гор) [Юй, 2019, 38; Ван, 2017, 61].

Образ Женщины в белом, преображённой от Белой Змеи, в свою очередь, весьма распространён в китайской литературе – начиная с «Легенды о белой змее» («白蛇传»). Безусловно, в этом легендарном образе – отражение древних тотемистических представлений китайцев (тероморфная Ньюва – богиня творения) [Юань, 2003, 80].

Самая ранняя запись легенды о Белой Змее, которую можно найти сейчас, – в тексте «Пагода Лэйфэн в городе Юнчжэн уезда Бай Нянцзы», записанном Фэн Мэнлуном в «Цзин ши тунь янь» (период Тяньци, династия Мин) [Ли, 2002, 11]. Образ змеи здесь – Женщина в белом. В 1927 г. по легенде был снят фильм «Легенда о Белой Змее» (义妖白蛇传) (илл. 2). Образ и внешний облик Белой Змеи в фильме аналогичны иллюстрациям к цитируемой легенде в журнале «Новая Маньчжурия» (илл. 3). Судя по иллюстрациям, образ Женщины в белом подобен образу Гуаньинь, как её изображали с 1840 по 1949 гг. (илл. 4, 5).

Таким образом, от тотемистического образа Белой Змеи, несущей благо и исцеление, обеспечивающей продолжение рода, возникает коннотативная цепочка к образу Женщины в белом, изображение которой совпадает с обликом буддистского и одновременно даосского андрогинного божества Гуаньинь, функции этих чудесных персонажей замыкаются на образе Девушки Пан-цуй – региональном народном божестве, одновременно являющимся апеллятивом женьшеня. В свою очередь, Белая Змея как древнекитайское тероморфное божество в мифологии женьшеня контаминируется с образом Дракона («Дракон кусает женьшень») [Фусунские сказки, 1962, 39–41].

Илл. 1. Обложка комикса «Девушка Пан-цуй». Художник Чжао Дин, 2009 г.

Илл. 2. Фото актрисы, которая играла роль змеи-оборотня. Фильм «Легенда о Белой Змее» («义妖白蛇传», 1927 г.).

Илл. 3. Ни Кун. Художник Юй Юй. Иллюстрация к легенде «Тайная история Хань Бяньвая – основателя золотого рудника Шисаньдаоган». Журнал «Новая Маньчжурия», 1942 г.
Илл. 4. Буддийская живопись. Гуаньинь с веткой ивы и кувшином для омовения рук, 1840–1949. Из книги «Изображение и легенды Бодхисаттвы Гуаньинь», 2005 г.
Илл. 4. Хроматическая версия Гуаньинь с веткой ивы и сладкой росой, 1840–1949 гг. Из книги «Изображение и легенды Бодхисаттвы Гуаньинь», 2005 г.

Заключение

Каждый из рассмотренных фитонимов-мифем в образно-символической форме метонимически отражает одно из чудодейственных качеств уникального корня («И Шень» yì shen), напоминающего человека («Жень Шень» 人蔘), воплощения загадочной природы Духа леса и гор («Шэнь Цао» 神草), хтонических божеств-полудемонов («Ту Цзин» 土精 и «Ди Цзин» 地精), корня, способного не только продлевать жизнь, но и воскрешать мёртвых («Чжоу Мян Хуань Дань» 皱面还丹), усиливать мужскую потенцию («Пан-цуй» 棒槌), скрываться от непосвящённых, испытывать ищущих его («Гуй Гай» 鬼盖), но воздавать по мере праведности и награждать избранных («Жен Сянь» 人衔) и т.д.

Сознание таёжников тщательно оберегает сакральные объекты священного пространства тайги от профанного внимания и посягательств неправедных людей. Потому руководствуются женьшеньщики не только иррациональным ужасом перед встречей с хищником (зооморфным воплощением женьшеня – самим Владыкой гор, Властелином леса – тигром) или другими эманациями Духа леса и гор. Страх нарушить табу – неписанный «Закон тайги» – сопряжён с рациональным опасением потерять свою выгоду, ведь обретение корня жизни способно подарить удачливому женьшеньщику богатство и успех, бессмертие и здоровье. Отсюда – криптограмматичность именовании женьшеня, понятная только посвящённым – профессиональным собирателям, настоящим таёжникам, чтящим Закон Шу-Хая. Не случайно в рассказах о птице-панцуй информанты-китайцы намеренно запутывали русских собирателей (В.К. Арсеньева, Н.А. Байкова), сообщая о том, что крик птицы может привести искателей в лапы к тигру [Забяко, Е, 2023, 93–106].

Ономастика женьшеня и его разновидностей в концентрированной форме представляет собой морфологию легендарной сюжетике Корня жизни. Дальнейшее исследование северо-восточных легенд, преданий, сказок о женьшене позволит проследить эволюцию религиозного сознания жителей дальневосточного фронта и определить универсальные основы его онтологии.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой Программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030», в рамках реализации научной темы FZMU-2022-0008, рег. номер 1022052600017-6.

Acknowledgement

The study was carried out under the financial program of strategic academic leadership “Priority-2030”, as part of the implementation of the scientific topic FZMU-2022-0008, reg. number 1022052600017-6.

Библиографический список

1. Арсеньев, В.К. По Уссурийскому краю / В.К. Арсеньев. – Владивосток, 1921. Цит. по: Арсеньев, В.К. Собрание сочинений в 6 т. / В.К. Арсеньев / Под ред. ОИАК. – Владивосток: Альманах «Рубеж», 2007. – Т. 1. – 704 с.
2. Арсеньева, А. Арсеньев и женьшень // Арсеньева А. Мой муж – Володя Арсеньев. Воспоминания // Рубеж. Тихоокеанский альманах, 2006. – № 6 (868). – С. 295.
3. Алексеев, В.М. Труды по китайской литературе: в 2 т. / В.М. Алексеев. – М.: Вост. лит. РАН, 2003. – Т. 2. – 147 с.
4. Байков, Н.А. Женьшень / Н.А. Байков // Рубеж. Тихоокеанский альманах. – 2004. – № 5 (867). – С. 209–223.
5. Байков, Н.А. Корень жизни (Жень-шень). Издание Общества Изучения Маньчжурского Края / Н.А. Байков. – Харбин, 1926.
6. Байков, Н.А. Женьшень / Н.А. Байков // Вестник Маньчжурии. – 1926. – № 5.
7. Байков, Н.А. В горах и лесах Маньчжурии / Н.А. Байков. – СПб., 1914.
8. Бадмаев, П.А. «Чжуд-ши: Основы тибетской медицинской науки» / П.А. Бадмаев. – 1903.
9. Ван, Дэфу. Культура женьшеня – легенды о женьшене / Ван Дэфу // Исследования женьшеня. – 2017. – № 2. – С. 60–64 (王德富. 人参文化之人参故事 // 人参研究. 2017. 第2期. 页 60–64).
10. Ван, Дэфу. Таинственные отношения между дикими женьшенями и людьми / Ван Дэфу // Исследования женьшеня. – 2016. – № 6. – С. 61–64 (王德富. 野山参与人类的神秘关系 // 人参研究. 2016. 第6期. 页 61–64).
11. Ван, Шуцунь. История китайских новогодних картинок / Ван Шуцунь. – Пекин: Пекинское издательство искусств и ремесел, 2002. – С. 171 (王树村. 中国年画史. 北京: 北京工艺美术出版社, 2002. 页171).
12. Врадий, В.П. Китайские легенды и поверья / В.П. Врадий // Русский инвалид. – 1903. – № 214. – С. 2–3.
13. Городецкая, О.М. Поэтика иероглифа (Размышления переводчика) / О.М. Городецкая // Восток. – 2002. – № 6. – С. 5–24.
14. Гу, Гуаньгуан (династия Цин). Травник Шэнь-нуна / Гу Гуаньгуан (династия Цин), Ю Тунмэн. – Харбин: Издательство Харбина, 2007 (顾观光 (清), 于童蒙编译. 神农本草经. 哈尔滨: 哈尔滨出版社, 2007).
15. Е, Фэн. Народная сказка о женьшене / Е Фэн // Цилян. – 1943. – № 5.3. – С. 132–137 (野风. 人参的故事 // 麒麟. 1943. 第3卷第5号. 页132–137).
16. Забияко, А.А. Художественная этнография Дальнего Востока: советский и эмигрантский текст / А.А. Забияко // Традиционная культура Востока Азии. – Благовещенск, 2014. – С. 270–290.
17. Забияко, А.А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина: Монография / А.А. Забияко // М-во образ. и науки РФ, Амурский гос. ун-т. – Новосибирск: Издательство Сибирского отделения Российской академии наук, 2016. – 437 с.
18. Забияко, А.П. Святое, священное, сакральное / А.П. Забияко // Религиоведение. Энциклопедический словарь. – М.: Академический проект, 2006. – С. 962–963.
19. Забияко, А.П. Священное время / А.П. Забияко // Религиоведение. Энциклопедический словарь. – М.: Академический проект, 2006. – С. 964–966.
20. Забияко, А.П. Священное пространство / А.П. Забияко // Религиоведение. Энциклопедический словарь. – М.: Академический проект, 2006. – С. 966–968.
21. Забияко, А.А. Сюжет о поедании женьшеня и вознесении Бессмертного в «Народной сказке о женьшене» (журнал «Цилян», 1943 г.) / А.А. Забияко, Е Янъян // Мир русскоговорящих стран. – 2022. – № 2 (12). – С. 61–72.
22. Забияко, А.А. «Чудо-корешок» женьшень: от китайских легенд к художественной этнографии дальневосточных писателей (В.К. Арсеньев, Н.А. Байков и др.) / А.А. Забияко, Е Янъян // Русская словесность. – 2023. – № 2. – С. 93–106.
23. Красников, А.Н. Табу / А.Н. Красников // Религиоведение. Энциклопедический словарь. – М.: Академический проект, 2006. – С. 1027.
24. Ли, Гэн. Исследование трансформации легенды о Белой Змее / Ли Гэн // Столичный педагогический университет, 2002. – С. 11 (李耕. 白蛇传故事嬗变研究. 首都师范大学, 2002. 页 11).

25. Ли, Шичжэнь. Компендиум лекарственных веществ / Ли Шичжэнь. – Пекин: Народное медицинское издательство, 2004 (李时珍 (明). 本草纲目 中. – 北京: 人民卫生出版社, 2004).
26. Лю, Сяоли. Исследование литературных журналов Северо-Восточного Китая с 1939 по 1945 год. дис. ... канд. филол. н. / Лю Сяоли. – Шанхай: Восточно-китайский педагогический университет, 2005. – С. 17–85 (刘晓丽. 1939–1945年东北地区文学期刊研究. 华东师范大学, 2005. 页17–85).
27. Лю, Цзяньфэн (династия Цин). Летописи рек и гор на горе Чанбайшань / Лю Цзяньфэн. – Чанчунь: Издательство литературы и истории Цзилиня, 1987 (刘建封 (清). 长白山岗志略. – 长春: 吉林文史出版社, 1987).
28. Маак, Р.К. Путешествие в долине реки Уссури: в 2 т. / Р.К. Маак. – СПб.: Тип. В. Безобразова и компании, 1861. – Т. 2. – С. 6.
29. Максимов, С.В. На востоке. Поездка на Амур (в 1860–1861 годах). Дорожные заметки и воспоминания / С.В. Максимов. – СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1864.
30. Ни, Кун. Тайная история Хань Бяньвая – основателя золотого рудника Шисаньдаоган / Ни Кун // Новая Маньчжурия. – 1942. – № 4.1. – С. 73–78 (倪空. 韩边外十三道岗金矿创业秘话记 // 新满洲. 1942. 第4卷第一号. 页 73–78).
31. Словарь Синьхуа / Под ред. Словаря Синьхуа. – Пекин: Народное образование «Пресса», 1954 (新华辞书社编. 新华字典. 北京: 人民教育出版社, 1954).
32. Современный китайский словарь / Под ред. Института лингвистики, Китайская академия общественных наук. – Пекин: Коммерческая пресса, 2016. – С. 1420 (中国社会科学院语言研究所词典编辑室. 现代汉语词典. 北京: 商务印书馆, 2016).
33. Сунь, Вэньцай. Культура китайского женьшеня / Сунь Вэньцай, Ван Яньцзюань. – Пекин: Издательство Синьхуа, 1994. – 391 с. (孙文采, 王嫣娟. 中国人参文化. 北京: 新华出版社, 1994. 391页).
34. Сунь, Вэньцай. Обсуждение названий женьшеня / Сунь Вэньцай // Исследование женьшеня. – 1995. – № 2. – С. 22–23 (孙文采. 琐谈人参的名字 // 人参研究. 1995. 第2期. 页 22–23).
35. Сюй, Шэнь. Происхождение китайских иероглифов / Сюй Шэнь. – Пекин: Исследовательская пресса, 2018. – 435 с. (许慎. 说文解字. 北京: 研究出版社, 2018. 435页).
36. Фусунские сказки о женьшене / Под ред. Федерации литературных и художественных кругов округа Фусун, 1962. – 318 с. (抚松县文联辑. 抚松人参故事选, 1962. 318页).
37. Цзоу, Имэн. Память о Туньхойских новогодних картинках / Цзоу Имэн. – Чанчунь: Издательство Цзилиньского университета, 2012. – 148 с. (邹义勤. 通榆年画记忆. – 长春: 吉林大学出版社, 2012. 148页).
38. Чжан, Вэньхун. История женьшеня в горах Чанбайшань и даосский экологический взгляд, воплощенный в обычаях сбора женьшеня / Чжан Вэньхун // Исследование женьшеня. – 2013. – Вып. 1. – С. 60–64 (张雯虹. 长白山人参故事与采参习俗所体现的道家生态观. 人参研究. 第一期. 2013. 页 60–64).
39. Чжоу, Дань. Исследование эволюции современной одежды «лудо» / Чжоу Дань. – Хунаньский педагогический университет, 2011. – 148 с. (周丹. 当代肚兜服饰的演变研究. 湖南师范大学. 2011. 148页).
40. Чжу, Зу. Новый словарь / Чжу Зу. – Пекин: Коммерческая пресса, 1914 (朱祖. 新字典. – 北京: 商务印书馆, 1914).
41. Шаньчуаньский литературный клуб [Электронный ресурс]. – URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1677691798707976563&wfr=spider&for=pc> (дата обращения 27.10.2022).
42. Шапошников, А.К. Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / А.К. Шапошников. – М.: Флинта: Наука, 2010. – Т. 1. – 584 с.
43. Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н.М. Шанского. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – Т. 1. – Вып. 5. – С. 285.
44. Юань, Имэй. Культурное происхождение легенды о Белой Змее / Юань Имэй // Академический журнал Инь Ду. – 2003. – С. 80–84 (袁益梅. 白蛇传故事的文化渊源. 殷都学刊. 2003. 页 80–84).
45. Юй, Цянь. Предварительное исследование культуры выращивания женьшеня в северо-восточных народах / Юй Цянь. – Хуачжунский университет науки и технологий, 2019. – С. 15–97 (余茜. 东北民间采参文化初探. 华中科技大学, 2019. 页97).

Текст поступил в редакцию 11.01.2023.

Принят к печати 14.03.2023.

Опубликован 29.06.2023.

¹ Фэнтянь – ныне Шэньян (沈阳).

References

1. Alekseev V.M. *Trudy po kitayskoy literature: v 2 t.* [Works on Chinese literature: in 2 volumes]. Moscow: Vost. lit. RAN, 2003, vol. 2, 147 p. (In Russian).
2. Arsen'ev V.K. *Po Ussuriyskomu krayu* [Along the Ussuri region]. Vladivostok, 1921. Cited by: Arsen'ev V.K. *Sobranie sochineniy v 6 t.* [Collected works in 6 volumes]. Vladivostok: Al'manakh "Rubezh", 2007, vol. 1, 704 p. (In Russian).
3. Arsen'eva A. *Rubezh. Tikhookeanskiy al'manakh* [Frontier. Pacific Almanac]. 2006, no. 6 (868), p. 295 (in Russian).
4. Badmaev P.A. *Chzhud-shi: Osnovy tibetskoy vrachebnoy nauki* [Zhud-shi: Fundamentals of Tibetan medical science]. 1903 (in Russian).
5. Baikov N.A. *Koren' zhizni (Zhen'-shen')*. *Izдание Obshchestva Izucheniya Man'chzhurskogo Kraya* [Root of life (Ginseng). Edition of the Society for the Study of the Manchurian Territory]. Harbin, 1926 (in Russian).
6. Baikov N.A. *Rubezh. Tikhookeanskiy al'manakh* [Frontier. Pacific Almanac]. 2004, no. 5 (867), pp. 209–223 (in Russian).
7. Baikov N.A. *V gorakh i lesakh Man'chzhurii* [In the mountains and forests of Manchuria]. St. Petersburg, 1914 (in Russian).
8. Baikov N.A. *Vestnik Man'chzhurii* [Bulletin of Manchuria]. 1926, no. 5 (in Russian).
9. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Ed. N.M. Shansky. Moscow: Izd-vo MGU, 1973, vol. 1, iss. 5, p. 285 (in Russian).
10. *Fusun tales about ginseng*. Ed. Federation of Literary and Artistic Circles of Fusong County. 1962, 318 p. (in Chinese).
11. Gorodetskaya O.M. *Vostok* [The East]. 2002, no. 6, pp. 5–24 (in Russian).
12. Gu Guangang (Qing Dynasty), Yu Tongmeng. *Herbalist Shen-nong*. Harbin: Harbin Publishing House, 2007 (in Chinese).
13. Krasnikov A.N. *Religiovedenie. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Religious Studies. Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2006, p. 1027 (in Russian).
14. Li Geng. Study of the transformation of the legend of the White Snake. *Capital Normal University*. 2002, p. 11 (in Chinese).
15. Li Shizhen. *Compendium of medicinal substances*. Beijing: People's Medical Publishing House, 2004 (in Chinese).
16. Liu Jianfeng (Qing Dynasty). *Chronicles of rivers and mountains on Mount Changbaishan*. Changchun: Jilin Literature and History Publishing House, 1987 (in Chinese).
17. Liu Xiaoli. *A study of the literary journals of Northeast China from 1939 to 1945: PhD Thesis in Philology*. Shanghai: East China Normal University, 2005, pp. 17–85 (in Chinese).
18. Maak R.K. *Puteshestvie v doline reki Ussuri: v 2 t.* [Journey in the valley of the Ussuri River: in 2 volumes]. St. Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i kompanii, 1861, vol. 2, p. 6 (in Russian).
19. Maksimov S.V. *Na vostoke. Poezdka na Amur (v 1860–1861 godakh). Dorozhnye zametki i vospominaniya* [In the east. A trip to the Amur (in 1860–1861). Travel notes and memories]. St. Petersburg: Tip. tov-va "Obshchestvennaya pol'za", 1864 (in Russian).
20. *Modern Chinese Dictionary*. Ed. Institute of Linguistics, Chinese Academy of Social Sciences. Beijing: Commercial Press, 2016, p. 1420 (in Chinese).
21. Ni Kong. The secret history of Han Bianwai, the founder of the Shisandaogang gold mine. *New Manchuria*. 1942, no. 4.1, pp. 73–78 (in Chinese).
22. *Shanchuan literary club*. Available at: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1677691798707976563&wfr=spider&for=pc> (accessed on October 27, 2022) (in Chinese).
23. Shaposhnikov A.K. *Etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.* [Etymological Dictionary of the Modern Russian Language: in 2 volumes]. Moscow: Flinta; Nauka, 2010, vol. 1, 584 p. (in Russian).
24. Sun Wencai, Wang Yanjuan. *Chinese Ginseng Culture*. Beijing: Xinhua Publishing House, 1994, 391 p. (in Chinese).
25. Sun Wencai. Discussion of the names of ginseng. *Research of ginseng*. 1995, no. 2, pp. 22–23 (in Chinese).
26. Vradiy V.P. *Russkiy invalid* [Russian Invalid]. 1903, no. 214, pp. 2–3 (in Russian).
27. Wang Defu. Ginseng culture – legends about ginseng. *Ginseng Research*. 2017, no. 2, pp. 60–64 (in Chinese).
28. Wang Defu. Mysterious relationship between wild ginsengs and humans. *Ginseng Research*. 2016, no. 6, pp. 61–64 (in Chinese).
29. Wang Shucun. *The history of Chinese New Year pictures*. Beijing: Beijing Arts and Crafts Publishing House, 2002, p. 171 (in Chinese).
30. *Xinhua Dictionary*. Ed. Xinhua Dictionary. Beijing: Public Education Press, 1954 (in Chinese).
31. Xu Shen. *Origin of Chinese characters*. Beijing: Research Press, 2018, 435 p. (In Chinese).
32. Ye Feng. Folk tale about ginseng. *Qilin*. 1943, no. 5.3, pp. 132–137 (in Chinese).
33. Yu Qian. Preliminary study of ginseng culture in northeastern peoples. *Huazhong University of Science and Technology*. 2019, 97 p. (in Chinese).
34. Yuan Yimei. The Cultural Origins of the White Snake Legend. *Yin Du Academic Journal*. 2003, pp. 80–84 (in Chinese).

35. Zabayako A.A. *Mental'nost' dal'nevostochnogo frontira: kul'tura i literatura russkogo Kharbina: Monografiya* [The mentality of the Far Eastern frontier: culture and literature of Russian Harbin: Monograph]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk, 2016, 437 p. (In Russian).
36. Zabayako A.A. *Traditsionnaya kul'tura Vostoka Azii* [Traditional Culture of East Asia]. Blagoveshchensk, 2014, pp. 270–290 (in Russian).
37. Zabayako A.A., Ye Yangyang. *Mir russkogovoryashchikh stran* [World of Russian-speaking countries]. 2022, no. 2 (12), pp. 61–72 (in Russian).
38. Zabayako A.A., Ye Yangyang. *Russkaya slovesnost'* [Russian literature]. 2023, no. 2, pp. 93–106 (in Russian).
39. Zabayako A.P. *Religiovedenie. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Religious Studies. Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Akademicheskiy proekt, 2006, pp. 962–963 (in Russian).
40. Zabayako A.P. *Religiovedenie. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Religious Studies. Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Akademicheskiy proekt, 2006, pp. 964–966 (in Russian).
41. Zabayako A.P. *Religiovedenie. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Religious Studies. Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Akademicheskiy proekt, 2006, pp. 966–968 (in Russian).
42. Zhang Wenhong. The history of ginseng in the Changbaishan Mountains and the Taoist ecological view embodied in the customs of ginseng harvesting. *Ginseng study*. 2013, iss. 1, pp. 60–64 (in Chinese).
43. Zhou Dan. A study of the evolution of modern “dudo” clothing. *Hunan Normal University*. 2011, 148 p. (in Chinese).
44. Zhu Zu. *New dictionary*. Beijing: Commercial Press, 1914 (in Chinese).
45. Zou Yimeng. *The memory of the Tongyu New Year's pictures*. Changchun: Jilin University Press, 2012, 148 p. (in Chinese).

Submitted for publication: January 11, 2023.

Accepted for publication: March 14, 2023.

Published: June 29, 2023.